

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Две позиции

Что предпочтительнее: шоковая терапия или эволюционное реформирование РАН?

Принятие Госдумой 18 сентября сразу в двух чтениях Закона о реформировании РАН, можно сказать, окончательно расставило точки над *i*: никакого самоочищения Российской академии наук не будет; скорее всего, её ждёт, как и многие другие структуры государственного и экономического устройства, шоковая терапия. Правда, перед «Рубиконом» остались ещё Совет Федерации и глава государства. А вдруг что-то в верхних эшелонах власти изменится, и закон не будет утверждён? Скоро всё будет ясно окончательно. В том числе и какой окраски последуют подзаконные акты, насколько реально сохранит РАН свою самостоятельность и влияние на научные исследования, и для нас, сибиряков — главное: что же будет действительно стоять за формулировками о сохранении статуса юридического лица регионального отделения.

Общественная дискуссия после принятия Думой ФЗ 305828-6 только обострилась. Показательной в этом плане была телепередача «Культурная революция» от 19 сентября текущего года на телеканале «Культура». Матёрый телеведущий Михаил Швыдкой свёл в «бархатном» поединке по сути две непримиримые позиции: одну из них представлял профессор-историк Алексей Александрович Маслов (гайдаровская Высшая школа экономики, один из столпов теории экономической политики правительства) и директор Института океанологии РАН академик Роберт Исхандрович Нигматулин, в некотором смысле тоже своеобразный оплот противоположной позиции — о самореформировании РАН, брошюра с предложениями которого, к слову, распространялась на недавней конференции научных работников (29—30 августа 2013 года).

Вот коротко заявка самой редакции телеканала на эту дискуссию: «Наука должна заниматься научными разработками, а не управлять имуществом и коммунальным хозяйством. Об этом давно шептались в кулуарах РАН. Нынешняя система управления сложилась в 1930—1940-е годы. И она давно нуждается в обновлении. Об этом неоднократно твердили и сами учёные мужи — Нобелевский лауреат Константин Новосёлов, а также работающие за рубежом Нобелевский лауреат Андрей Гейм, Максим Франк-Каменецкий. Поддержало реформирование и экспертное сообщество. Но как у нас часто бывает — гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Всё академическое сообщество восстало. Как же так? Да вы же разрушите всё до основания, а затем?! Однако независимо от судьбы нового законопроекта перед законопослушными гражданами, налогоплательщиками и патриотами встанёт очень серьёзный вопрос: так ли ладно в нашем научном королевстве?»

Точка зрения А.А. Маслова в общем-то знакома, она проистекает из позиции сторонников решительной реформы «сверху»: «от самих академиков не дождейся». Вот и здесь он вежливо, но внятно сформулировал позицию, что, мол, нечего руководству Академии и директорам институтов заниматься несвойственным им делом менеджмента науки, а давно пора углубиться собственно в научные исследования. На руководящих постах-де наступает черёд иных социальных связей — достать, пробить, организовать и т.д. И никаких сил не хватит учёному мужу размениваться сразу на две ипостаси. Подразумевалось: дорогие сотрудники РАН, предоставьте возможность заняться организацией науки кому-то другому, более сведущему в делах управления!

Академик Р.И. Нигматулин горячо возражал ему: жизнь питает настоящего учёного. Примеры М.В. Ломоносова — учёного, поэта и художника, и одновременно величайшего организатора науки, Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского, И.В. Курчатова, жизнь положившего на создание атомного оружия, М.А. Лаврентьева — выдающегося математика и фи-

зика, совершившего цивилизационное воздействие на развитие огромного уральского региона самим фактом создания Сибирского отделения, — все эти факты говорят об обратном: настоящий учёный по-настоящему реализуется только в реальной жизни и борьбе с косностью.

Показательна в этом смысле и устная ремарка самого ведущего М.Е. Швыдкого: Киссинджер, мол, однажды заметил, что политику совсем необязательно быть выдающимся мыслителем: ему достаточно быть просто хорошим парнем, отвечающим представлениям большинства американцев о нужном лидере.

Если бы всё было так просто в России! И недавний яркий пример с выступлением Путина на Валдае, которое многие обозреватели уже отнесли к историческим, говорит как раз об обратном: в России от главы государства ждут судьбоносных решений. Жаль, что в формировании его взглядов на развитие российской науки принимают участие в основном всё те же гайдаровцы.

Принявший участие в дискуссии директор Института США и Канады РАН академик С.М. Рогов был последователен в отстаивании своих позиций, изложенных в его фундаментальной статье «Шоковая терапия и «реформа РАН»: реалии Российской науки» (порталы РАН и СО РАН): ни к чему хорошему новая супербюрократическая модель руководства российской наукой не приведёт, а ссылки реформаторов на якобы американский опыт совершенно беспочвенны.

Любопытна сама по себе роль телевидения в общественной дискуссии по данной проблеме. Пожалуй, ни один телеканал не обошёл эту тему стороной. Но в отличие от печатного слова глубина освещения проблемы была очень незначительной, а нередко передачи готовились открыто по заказу, с целью либо дискредитировать РАН и российскую науку в целом, либо вбить клин в отношения старшего и молодого поколений учёных, подтасовывая факты о якобы баснословных тратах академиками огромных бюджетных средств на личные нужды. К счастью, не получилось: что касается принципиальных вопросов, сотрудники РАН выступили и выступают единым фронтом.

Похоже, что красивый тезис о Карфагене, который должен быть непременно разрушен как оплот косности и бессмысленного растратывания государственных денег, от образования перекочевал теперь уже на науку. И при этом, однако, делаются настойчивые попытки обелить «чёрных кобелей» типа Сколково или «Роснано».

Заметим попутно, что слухи о нерациональной трате средств в том же Сколково курсируют давно, чуть ли не со дня основания этой структуры, но честь чиновничьего мундира дороже. Да что там чиновничий мундир! Даже Нобелевский лауреат академик Ж.И. Алфёров — сопредседатель Консультативного совета Сколково, до последнего, видимо, на что-то надеясь, помогал развивать этот инновационный проект, пока не прорвало и он в кругу учёных того же Сибирского отделения корректно, но убедительно показал ошибки, допущенные при его основании.

Ещё одна дилемма — или-или — сопутствует обнародованному в конце июня законопроекту: это двойственный взгляд на суть и форму обсуждения. Сверху изначально призывали учёных не горячиться, не переводить общественную дискуссию в политическое русло. И даже на уже упомянутой августовской конференции мнения разделились: одни её участники настойчиво подчеркивали неконституционность законопроекта и требовали внести это определение в резолюцию конференции (мотивировки были вполне убедительными), другие (и прежде всего президент РАН В.Е. Фортов) настаивали изъять из текста какие-либо посылы на политику, надеясь всё-таки найти с руководством страны и Думой

компромиссные решения. Увы!

В принципе научное сообщество своё слово сдержало: в большую политику оно не полезло, отставки правительства требовать не стало, ограничившись кандидатурами министра и вице-премьера, обратится ли в Конституционный суд, когда припечёт, пока неизвестно. А вот что касается власти, то законопроект изначально выглядел как политическая акция. Ясно, что наступил очередной передел госсобственности, что многие тысячи зданий и сооружений, прежде всего Москвы и Московской области, десятки научно-исследовательских судов, тысячи квадратных километров водной глади, сотни тысяч гектаров очень удобной для застройки земли — всё это «остро нуждается», по мнению реформаторов, в эффективном управлении. Что это, если не политика?

Не исключено, что кому-то из молодых и талантливых учёных поднадоело быть на побегушках у мэтров, «штанишки» становились короткими, а время немудрено идёт вперёд. «Дайте же порулить!» — вот негласный лозунг многих внутринаучных дискуссий, в том числе и упомянутой конференции 29—30 августа. В принципе решаемая проблема. Почему не рассматривали раньше? — об этом много чего уже написано и сказано. Но никто из молодых учёных (если Гейма не считать молодым тоже), и не подумал посягнуть на святая святых — самостоятельность Академии, на её право на самоорганизацию, основные постулаты демократического выборного устройства. И вдруг вот такое решение — отныне и вовеки (?) всё будет подчинено чиновнику, само звание которого в новой России стало в последние десятилетия синонимом коррупции. Что это, если не политическое решение?

«Государство в государстве» стало костью в горле не только на самом верху. Ещё при великом Лаврентьеве отношения с местной и региональной властями были далеко не безоблачными. Академгородку в силу объективных и субъективных причин прощали многое: и звонки Михаила Алексеевича «самому», и крутой его нрав по отношению к некоторым своим подчинённым, прости-

ли и некоторую фронду студенчества НГУ, и «Факел», и даже бардовский фестиваль с Галичем. Но со временем гайки закручивались всё туже и туже. Однако наука развивалась и прилично финансировалась, материальная база институтов крепла, доктор наук материально обеспечивался несравненно лучше, чем средний чиновник, пока наконец не наступил тот час, когда всё рухнуло в одночасье. Выжили, сохранили науку, немолодой, но всё-таки костяк кадров. И даже в лихие времена такие институты как ИЯФ зарабатывали сами плюс к бюджетному финансированию почти столько же. «Остров капитализма» при социализме и «Остров социализма» в новой России (каждому по труду!) не даёт покоя нынешней власти и особенно эффективным менеджерам: сами учёные? Да что они могут? А не прибрать ли их к рукам под крышей того же Курчатовского центра? Что это, если не политические игры?

Если во всём этом какой-либо личностный интерес? Наверное, если об этом прямо говорят такие люди, как академик Роальд Зиннурович Сагдеев, народный артист России Тигран Абрамович Алиханов. У них информации побольше. Как же мы дошли до жизни такой, что (по словам Леонида Михайловича Рошалья) «заниматься наукой сегодня — это подвиг»? А по сведениям академика Владимира Евгеньевича Захарова преследования людей за инакомыслие в некоторых структурах уже начались. В этой связи популярная совсем недавно песенка «Гуд бай, Америка!» приобретает зловещий современный смысл. Очень не хочется ещё одной волны оттока «мозгов» хоть куда — за рубеж, в бизнес или в то же чиновничество, которое ценится властью несравненно больше, чем люди, занятые наукой.

Один из очень известных учёных, новосибирец, весьма лояльный человек, в приватном разговоре горько обронил недавно: «Вот и дожили мы до того, что стали оппозицией к власти!» О многом говорящие слова. Наверное, российская и в том числе сибирская наука всё-таки выживет, но не пора ли от потерь переходить к накоплению?

Алексей Надточий, «НВС»
Фото В. Короткоручко